

Труд писателя

Непрестанное расширение интересов и запросов советского человека повсюду диктует новые, все возрастающие требования к художественному мастерству писателя.

Советский читатель — самый взыскательный читатель в мире — хочет видеть великие явления нашей действительности воплощенные в достойных их художественных образах. Он хочет читать книги о советской действительности, которые обретают характер, прудимостью композиции, выразительностью языка не уступали бы бессмертным сочинениям классической русской литературы.

Чтобы достичь этих высот художественного мастерства, нужен труд, труд непрерывный и неустанный. Великие русские писатели, произведения которых изумляли современников и продолжают изумлять поколения своим совершенством, были и великими тружениками. Вдохновение не посещает ленивых, совершенство достигается лишь упорной работой, — со всей убежденностью звучат эти мысли в высказываниях наших классиков — от Пушкина и Гоголя до Горького и Маякова. В их дневниках, рукописях и записных книжках запечатлено безграничное упорство в достижении цели, обращение к небрежности поспешности, к попыткам легкой ценой достичь успеха. Их труд — постоянный пример для наших писателей, старых и молодых, уже известных и только еще входящих в литературу.

Пушкин-лицеист, совсем еще юноша, но уже постоянно живущий мыслями о литературе, в своей первой критической заметке пишет: «Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посердечнейшим стихотворцем».

Сам Пушкин учился всю жизнь, учился жадно, неутомимо, настойчиво! В его библиотеке рядом с поэмами и романами, рядом со сборниками былин и луцинами словесариями стояли книги по географии и экономике, труды по естествознанию и педагогике, исследования лингвистические, археологические, философские; не было почти ни одной современной ему значительной книги, которая не была бы им упомянута в критических статьях, дневниках или письмах!

Восемь с половиной лет почти непрерывной работы над романом «Евгений Онегин»; годы книг и документов, изученных и тщательно законспектированных в ходе работы над «Историей Петра Великого»; трудная поэзия по местам, где сохранилась память о Пугачеве, в связи с написанием «Капитанской дочки»; множество вариантов для каждой строки стихотворения «Лячка» — во всем этом многообразно проявилась бесконечная творческая добросовестность, стремление максимально овладеть материалом и воплотить его в прекрасной совершенной форме.

А Гоголь? Он упорно и убедительно повторяет, что писателю необходимо работать каждый день, постоянно разыгрывать драму, совершенствуя мастерство: «Человек пишущий», — говорил он, — так же не должен оставлять пера, как живописец кисти... Надобно, чтоб рука приучалась совершенно повиноваться мысли». «...Поставьте себе за правило хотя два часа в день сидеть за письменным столом и принуждать себя писать». Можно ли переоценить значение этого совета для молодых писателей, которые часто возлагают надежды на то, что все будет хорошо написано, были бы все настроены?

В полном расцвете своего таланта Гоголь признается, что многократно переписывает каждое свое произведение. «Для этого, может быть, нужно меньше, а для этого и еще больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, не имея собственных рук, труд является вполне художественно-законченным»...

Многие из наших писателей, особенно молодые, могут сказать, что не вспоминают три-четыре раза от начала до конца переписали свое произведение!

Неточное, приблизительное, поверхностное изображение действительности, отсутствие профессионального умения, иллюстрации — всегда вызывали решительное осуждение со стороны мастеров русской литературы.

«Дилетантствовать — значит быть беспомощным», — говорит Тургенев. «...Без упорной работы, — писал он, — всякий художник непременно останется дилетантом». «Боли Пушкини Гоголи труились и передельвали десять раз свои вещи, так уж нам, маленьким людям, сам бог ведет».

Все ли наши молодые, да и не только молодые писатели могут положить руку на сердце, сказать, что считают для себя пример Пушкина и Гоголя таких же обаятельных, какими считал его Тургенев?

Классики — от Пушкина до Толстого —

требовали переделок, привнесенных социальным отношением к своему творчеству, умея критически осмысливать сильные и слабые стороны произведения.

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого слова, такого-то оборота, — писал Пушкин, — но в чувстве соразмерности и сообразности». А у Льва Толстого мы находим иное выражение той же самой замечательной мысли: «Одно из главнейших достоинств литературного таланта — это способность критического суждения, относящегося преимущественно к своим произведениям».

Число многотиражных редакций таких романов, как «Война и мир» или «Воскресение», известно, количество листов рукописей и корректур давно сосчитано. Но как сосчитать измерить объем подготовительных работ? Опубликованные заочные книги Толстого, планы, наброски, варианты — запечатленный памятник поистине гигантского труда — полезнейший пример для писателя.

Не только романы и поэмы, но и произведения малых жанров немыслимы без непрерывной работы, неустанных обдумываний, беспощадных переделок, поиском. Чехов — великолепный мастер рассказа — писал брату: «Будь ты порядочным человеком, посиши над рассказом (в 150—200 строк) дней пять-шесть, то что вышло бы!» Его высказывания о труде писателя, его советы начинающим отмечены пристальным вниманием ко всем элементам — от композиции произведения до выбора слов и построения фразы: «...Вы не работаете над фразой; ее надо делать — в этом искусстве». Все ли наши писатели помнят это?

Родоначальник советской литературы Алексей Максимович Горький, сознавая, как безгранично велика ответственность советских писателей перед народом, постоянно напоминал, что никого прежде литераторы не имели и не могли иметь такой огромной и такой требовательной аудитории. Предметные уроки мастерства, которые он давал в своих статьях и письмах о литературе, не только целиком сохранились для нас свое значение. Значение это неизменно возросло, ибо никогда еще вопросы художественного мастерства не стояли перед писателем с такой острой, как сейчас.

«Нужно знать технику творчества... Можно много видеть, читать, можно кое-что вообразить, но, чтобы сделать, необходимо уметь, а умение дается только изучением техники», — говорил Горький.

Маяковский, посвятивший технике поэтического дела свою замечательную статью «Как делать стихи», нашел гениальную поэтическую формулу, чтобы показать безграничность творческой выразительности настоящего советского художника:

Извиниши,
единого слова ради,
тысячи тонн
словесной руды.

Советская литература знает немало примеров многолетней взыскательской работы над книгами. Можно ли забыть, что прикованный к постели Николай Островский прокладывал неутомимо работой над романом «Как закалась сталь», когда книга эта уже приобрела всемирную известность?

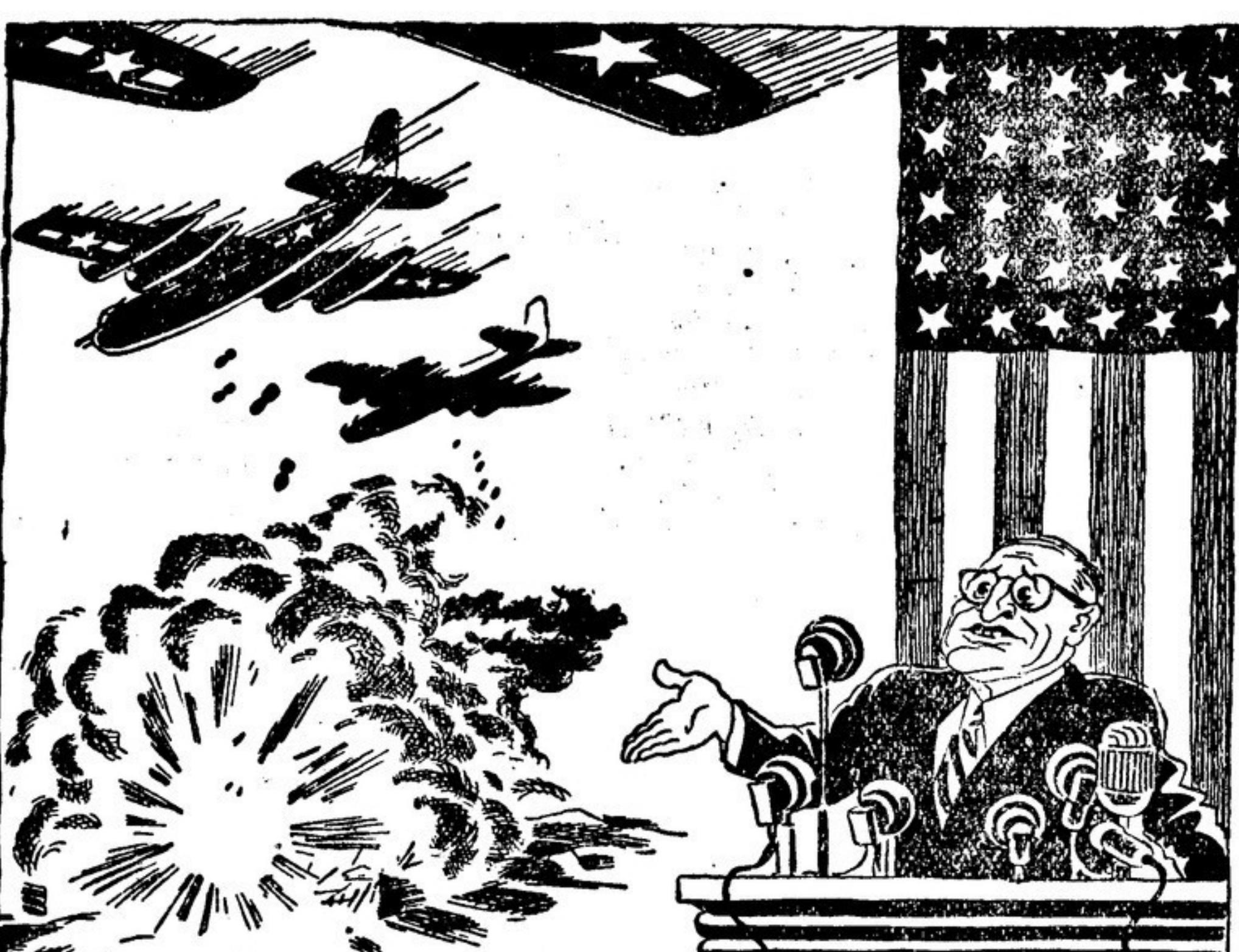
Среди произведений, известных советскому читателю, пользующихся особенной популярностью в стране, одно из первых мест занимает исторический роман Алексея Толстого «Петр Первый». С 1917 по 1944 год — от первого рассказа из петровского времени до третьей, незаконченной части романа-эпоса «Петр Первый» — двадцать семь лет занимала писателя эта тема.

Исторические исследования и первоисточники — письма, дневники, мемуары, многие десятки книг, в том числе редких и редчайших, — весь этот богатейший материал был не только самым углубленным образом изучен, но и творчески преобразован писателем, переделывая в такое единное и естественное целое, что только специалисту видно, каким огромным трудом создан этот шедевр нашей исторической художественной литературы.

В нашей стране человека ценят по его труду. То, что справедливо во всех областях жизни, справедливо и для литературы. Нельзя писать роман о неутомимом, о успокаивающемся на достигнутом авторе произведения, а самому довольствоваться при этом работой небрежной, сырой, несовшенной. Коммунистическое общество от всех своих членов требует — и с каждым днем будет требовать все сильнее — высокого качества, в какой бы области они ни работали.

Великие уроки мастерства, которые заключены в творчестве наших классиков и лучших советских писателей, должны служить постоянным примером и примером для всех наших литераторов.

АМЕРИКАНСКАЯ «ВОЛЯ К МИРУ»

ТРУМЭН: То обстоятельство, что наши самолеты 200 раз пересекали границы и бомбардировали китайскую территорию, нельзя рассматривать иначе, как проявление мирной инициативы!

Рисунок художника Биструпа из датской газеты «Ланд от фолькс»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 123 (2714)

Четверг, 21 декабря 1950 г.

Цена 40 коп.

ПОТОК ПРИВЕТСТВИИ

1.

В декабре 1949 года, в день семидесятилетия человека, который всех роднее людей, его приветствовало несчетное множество тружеников, населяющих земной шар. С материков, разделенных океанами, из стран полуденных и полночных донеслось до Москвы с любовью произнесенное слово — отец.

Когда-нибудь, во времена полного коммунизма, человечество обретет единий язык. В декабре 1949 года мы ощущали предвкушение этого: в мире, еще разделенном на лагерь света и лагерь тьмы, трудовое человечество как бы единим дыханием произнесло слова отца. Сталин.

Поток приветствий заполнил все телеграфные магистрали, все каналы связи. Шли тысячи писем. Писали матери дружинных советских семей, воспитанники ремесленных училищ, военнослужащие, отдавшие в Ворошиловском санатории в Сочи, астрономы Пулковской обсерватории. Писали и в мраморных дворцах, и в бревенчатых школах. Писали в новых городах — центрах сталинских пятилеток, и в самых разных городах, стены которых, можно сказать, еще не вышли из сущности кирпичных заводов.

В Арктике, на мысе Желания, радист в мокховом комбинезоне выступил письмо, написанное товарищи по зимовке. А в это же время, за тридевять земель от него, в джунглях Вьетнама полуголые люди шли гуськом сквозь мангровые заросли, или пятые сутки, от села к селу, собирая подписи под еще одним посланием.

Так встречало трудовое человечество день семидесятилетия вождя рабочего класса и продолжателя дела Ленина — товарища Сталина.

Стихийная демонстрация любви и приветности товарищу Сталину возникла и распространялась по всему земному шару, торжественная и неодолимая, как явление природы.

С тех пор из номера в номер наши газеты печатают стоянки приветствий. И отклик приветствий трещит с газетных страниц могучий голос народов мира. В иной строке — небольшая группа людей, несколько домохозяек с Пастуховской улицы в городе Курске, приславших слово благодарности самому любимому человеку. А в иной — и тоже в одной строке — грозная сила класса, часть целого народа: 120.000 батраков Италии из провинции Ферара.

Сталин — вся наша жизнь.

Читая Поток приветствий, вспоминаешь знакомые города и села, станции железных дорог, леса, реки. Родина встает перед тобой — знакомая, милая от века, приденная вдоль и поперек. Читая наизусть сотни трудовых коллективов и таких коллектизов духовного творчества народов ССРС: Киевский театр оперы и балета имени Тараса Шевченко; Азербайджанская публичная библиотека имени Мирзы Фатали Ахундова; Казахская Государственная филармония имени Джамбула; Дзержинский национальный театр имени Сулеймана Стальского; Академия наук Казахской, Грузинской, Армянской...

Сталин так говорил: «Раньше «принятое» думать, что мир разделен исключительно на высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, привнесенными эксплуататорами первых. Теперь, — это легенда, нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны занять впереди действительного передовую культуру и действительно передовую цивилизацию, не меньше, чем народы Европейской».

Читая приветствия из далекого Ханты-Мансийского национального округа — от некогда вымиравших и ограбленных остык-тюзов, одноклассников, однополчан, с кем в детстве слушал немыслимый рокот Торека, а позже — ночных гудки на Волге; с кем готовил зачет в Ленинской библиотеке; с кем шел по Ладожской ледяной дороге; с кем вступал в Будапешт, Берлин...

Недалеко до XVII съезда ВКП(б) Сергей Миронович Киров говорил о товарище Сталине: «Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного и поглощающего вождя в мире».

Читая приветствия из далекого Ханты-Мансийского национального округа — от некогда вымиравших и ограбленных остык-тюзов, одноклассников, однополчан, с кем в детстве слушал немыслимый рокот Торека, а позже — ночных гудки на Волге; с кем готовил зачет в Ленинской библиотеке; с кем шел по Ладожской ледяной дороге; с кем вступал в Будапешт, Берлин...

Потом мир — от Сеула и Токио через Ханой и Джаккарту, обнимая Цейлон, Иран, Ливан, до мыса Танжер и дальше, за Атлантику, — раздалось могучее слово — великой любви трудащихся к своему вождю и отцу.

Имя Сталина — знамя борьбы за мир и демократию. Где бы ни думали о страшном угрозе войны простые люди, для которых кров на голове, сон детей и мирный труд составляют их счастье, — они сливают с именем Сталина свою надежду на длительный, прочный мир и безопасность. В вожде рабочего класса товарище Сталин видят символ своей борьбы за мир во всем мире.

Письма студентов пекинского университета «Хубай» ссылаются с письмами трудящегося населения порта Салина Круп в Мексике. Во Франции металлурги Булонь и Бланланкура находили те же простые и сердечные пожелания, что и хевроны старателей электрической компании в гравите Мидлсекс в Англии. Слова на французском, английском языках совпадали с русскими словами, какие писали крупными детскими буквами школьники где-то в Верхне-Вильской школе, в Сибири. Люди добрая воли, где бы они ни жили, хотят мира.

Беспредельная любовь к товарищу

Сталину в странах народной демократии. Нет села и предприятия в Болгарии или Венгрии, в Чехословакии, Румынии, Польше или Албании, откуда бы не привезли в Москву добрые пожелания тому, кто стал во главе великой борьбы с фашизмом, опрокинул фашизм, дал народам Восточной Европы светлую жизнь, открыл путь к социализму.

И слова из простого списка трудачков возникают картина преобразования жизни и природы. Вот пишут строители Димитровграда из Болгарии, вот в обеденный перерыв собрались под каменными брызгами нового моста в Малакке

польские строители, вот в самой Москве, столице солнечной половины мира, приветствуют Сталина студенты и аспиранты, приехавшие из стран народной демократии, чтобы учиться в вузах Советской страны.

Поток приветствий идет в Потоку приветствий новая, борющаяся Азия...

...Участники митинга в Рангуле, Бирма...

...Жители ливанских деревень побеждают Средиземное море... Рабочие и служащие Национальной электростанции... Всеиндийский конгресс профсоюзов... ЦБ народной молодежи Ирана... Учащиеся пекинской начальной школы «Чжуиньсянь»...

Рабочие и служащие Центральной народной радиостанции Китая... Общество Японско-Советской дружбы... Объединенные профсоюзы Северной Кореи...

Вывод второй: США не располагают «ни ядерными резервами, ни материальными ресурсами для того, чтобы исполнить роль полицейского во всем мире».

Поэтому Херст требует уйти «не только из Кореи, но и из Организации Объединенных Наций».

Выход Херста продиктован позорным приветствием агрессивных планов американских авантюристов. В Организации Объединенных Наций Херст требует перед собою тесно связ

ТАК НЕ ГОТОВЯТ НАУЧНЫЕ КАДРЫ

Невероятный случай произошел цветущей весной этого года в алма-атинском Ботаническом саду.

В течение четырех лет здесь проводила свои опыты и наблюдения над орехоплодными аспирантка Института ботаники Академии наук Казахской ССР М. А. Линчевская. Кропотливым трудом ей удалось вывести новую разновидность ореха. В прошлом году впервые появились плоды. Осталось пройти посыпание опыты, чтобы заключить так долго тщательно готовившуюся кандидатскую диссертацию.

И вдруг позднне-негаданно разразилась катастрофа. Линчевскую обвинили не больше, чем меньше, как в краже 6 орехов с одного из тех самых деревьев, над которыми она экспериментировала. И не только обвинили, но и запретили вперед посещать Ботанический сад. Когда же она все же явилась туда, то увидела, что все ее труды уничтожены. С подопытных деревьев сорваны маревые мешочки-изюмы и даже сами деревья и кусты пересажены в другое место, а для того чтобы их незадача было отыскать, с них срезали плоды.

Так возник неслыханное в условиях советской действительности «дело о похищении 6 орехов».

Инициатором его явился заведующий сектором дендрологии Ботанического сада А. М. Мушегян. Он уже давно проявлял подозрительно повышенный интерес к опытам Линчевской, памеравшим использовать полученные ею данные для своей кандидатской диссертации. Много раз он предлагал Линчевской «ступнуть» ему свои результаты, но «строгая» аспирантка упорно отказывалась. Отказывалась она и от предложения включить свою работу в план Ботанического сада. Тогда при участии директора Ботанического сада кандидат биологических наук Бейсембекова Мушегян составил «дело» о мнимой краже 6 орехов. Понтуя Линчевскую было привлечено множество других грехов, вроде нарушения правил внутреннего распорядка.

В запиту Линчевской выступил Институт ботаники Академии наук Казахской ССР — его директор, действительный член академии, лауреат Сталинской премии И. В. Павлов и проф. Троицкий. Но президиум академии, вместе того чтобы внимательно разобраться в сути дела, объявил Линчевской выговор, одобрил тем самым возмутительнейшее изъявление над молодым ученым, проглядев при этом не только недостойное поведение тех, кто варварски уничтожил многолетний труд аспирантки, но и глубоко искаженные отношения между Ботаническим садом и Институтом ботаники.

Возмущенное научные круги «дело о похищении 6 орехов», начавшееся ранней весной, не закончено и до сих пор. Его все еще усиленно обсуждают в бесписьменных инстанциях. Обсуждают не потому, что оно неясно, а потому, что нехватает духа честно и принципиально признать свои ошибки и осудить порочную практику, которая существует по отношению к аспирантам в ряде институтов Академии наук Казахской ССР.

Дело в том, что случай с Линчевской является хотя и самым ярким, но далеко не единственным примером безответственного отношения к аспирантам в Академии наук Казахской ССР. Ответственное дело подготовки, рассмотрения и воспитания научных кадров возглавляет здесь академик — секретарь президиума Академии наук И. Г. Галузо. Галузо находит в академии совершение чуджие советской науки, советскому обществу привыканию — протекцию, подхалимство, глушил малейшее проявление критики и самокритики. Ирече всего это видно на примере лаборатории по паразитологии, которой Галузо лично руководит которую он превратил в свою вотчину. Здесь царят неимоверные, но твердо установленные им самим законы:

К. САТЫБАЛДИН,
соб. корр. «Литературной газеты»
АЛМА-АТА

Ф. ВИГДОРОВА

Драгоценное наследство

3.

В некоторых наших школах понятие дисциплины сводится к понятию режима, порядка. Неисправно глубже понимает дисциплину А. С. Макаренко. «Что такое дисциплина? — пишет он. — В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется как средство воспитания. Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания, и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим — это есть определенная система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина».

Впоследствии, уточняя свою мысль, Макаренко говорил, что дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством.

Макаренко понимал дисциплину как явление нравственное и политическое. Дисциплина, как результат воспитания, проявляется не просто в умении прочно держаться на людях и не вызывать замечаний. Нет, этот результат проявляется и тогда, когда человек, оставаясь наедине с собой, знает, как он должен поступать, и уже не может, органически неспособен поступить не так, как должно.

Макаренко считал не достижимой цель дисциплину торможения, которая выражается в бесконечных запретах: этого не делать, того не делать, не опаздывать в школу, не бросать чернильницу в стекну. Такие правила сводятся к послушанию и к внешнему порядку. Конечно, умение повиноваться и соблюдать порядок, умение тормозить себя совершило необходимо. Но ограничиться воспитанием этих качеств нельзя.

«Советская дисциплина, — говорил Макаренко, — это дисциплина преодоления, — окончание см. № 122.

ИХ УСЫНОВИЛА РОДИНА

Сирота... Это — страшное слово. С ним к человеку приходили нищета, унижение, невероятные трудности на жизненном пути. Когда это было? Не так уж давно — 33 года назад.

В нашей стране исчезло это слово. Оно чуждо нашему обществу, в котором человек человеку друг, обществу, где о судьбе отдельного гражданина заботятся миллионы граждан.

...В просторной прихожей квартиры нового дома нас встретил молодой человек. Он проводил нас в комнату, в которой проживал вместе с сестрой. Война отняла у них отца, матеря. Не осталось у них и близких родственников. Но в великой советской семье они получили и воспитание и образование.

Двенадцатилетний Василий и десятилетняя Лиза Шербаковых в 1943 году переступили порог детского дома. Гитлеровские бандиты отняли у тысяч детей родителей, кровей и радости детства. Почти одновременно вместе с братом и сестрой Шербаковыми в детском доме появилась Любочка Соколова — дочь фронтовика. Сюда добрые советские люди привели 14-летнего Колю Козлова из Велика. Его отец погиб на фронте, а мать была выдана провокатором и на глазах у детей замучена гитлеровцами. Пришли сюда и Леша Сухоруков, сын погибшего партизана и матери, замученной гитлеровцами, 12-летняя Леночка Минцова, Зоя

Петрова, 12-летний погибла в тяжелые дни блокады Ленинграда. Все они здесь находятся и родную семью.

Шесть лет, Вася Шербаков с золотой медалью окончил десятилетку, а его сестра Лиза окончила семилетку. Московский детский дом — обстановка и все необходимое для их жизни.

Василий — сейчас студент третьего курса физиологического факультета МГУ — получает стипендию имени И. А. Крылова, а его сестра Елизавета весной заканчивает фельдшерско-акушерскую школу.

Шербаковых часто находит директор детского дома Николай Федорович Шкаринов. Но он здесь не просто гость: он приходит сюда на правах отца, интересуясь всей жизнью молодых людей. Его волнуют и зачетные книжки воспитанников, и записи в тетрадях, и любая, может быть, на первый взгляд незначительная деталь быта. Потомков наставляет он Василия и Лизу.

Встреча, которую мы запечатлеваем на этом снимке, — одна из тех, когда молодые люди вместе со своим воспитителем беседуют о будущем. Вчерашние мечты воспитанников Николая Федоровича сегодня становятся реальностью.

Текст К. ЦЫПЛЕНКОВА

Фото Е. ТИХАНОВА

К. КОСЦИНСКИЙ

ТУРБИНЫ БУДУЩЕГО

Федор Васильевич Аносов наклоняется к контрольному стеклу. В мутнозеленой, освещенной изнутри глубине пульсируют звезды. Воздушные пузырьки стремительно проносятся вниз и исчезают в изгибе всасывающей трубки.

Мерно колотят ртутные столбики приборов. Упруго дрожит чугунный корпус турбины. Здесь, на модели, пытаются гидродинамические свойства будущих турбин. Результаты исследований лягут на основу дальнейшей работы по созданию машин Стalinградской и Куйбышевской ГЭС.

— Дайте вакуум! — негромко говорит Аносов.

Включается рубильник. Чаще дышат насысы. Медленно ползут вверх ртутные столбики — понижается уровень воды нижнего бьефа. И вот за стеклом возникает тонкий воздушный жгут. Он извивается, закручивается, мечется из стороны в сторону и, сплошной, превращается в широкую спиральную воронку. И прикладывается к трубе ладонь и через толстый лист стали ощущают сильные толчки. Мощность турбины резко падает...

Лаборатория водяных машин завода имени Сталина ведет сложнейшую научно-исследовательскую работу. Здесь рассчитывают рабочие колеса турбин и изучают режимы, в которых будут работать машины величиной на полметра, понадобятся миллионы кубометров скальных работ. Наша задача заключается в том, чтобы создать наиболее мощную и в то же время экономичную турбину...

Новые турбины не будут иметь себе равных. Этот сегодняшний день нашей социалистической техники вряд ли и завтра будет доступен технике капиталистических стран. Советские конструкторы и инженеры продолжают новые пути в турбостроении, решают проблемы, имеющие огромное научное значение. В их работе получится вот что... — Он берет карандаш. — На каждой из двух новых гидростанций придется установить столько машин, чтоздание станций вытянется бы на полкилометра. Если заглубить рабочее колесо турбины на метр-полтора под колесо турбины...

Паровы турбины не будут иметь себе равных. Этот сегодняшний день нашей социалистической техники вряд ли и завтра будет доступен технике капиталистических стран. Советские конструкторы и инженеры продолжают новые пути в турбостроении, решают проблемы, имеющие огромное научное значение. В их работе получится вот что... — Он берет карандаш. — На каждой из двух новых гидростанций придется установить столько машин, чтоздание станций вытянется бы на полкилометра. Если заглубить рабочее колесо турбины на метр-полтора под колесо турбины...

Паровы турбины не будут иметь себе равных. Этот сегодняшний день нашей социалистической техники вряд ли и завтра будет доступен технике капиталистических стран. Советские конструкторы и инженеры продолжают новые пути в турбостроении, решают проблемы, имеющие огромное научное значение. В их работе получится вот что... — Он берет карандаш. — На каждой из двух новых гидростанций придется установить столько машин, чтоздание станций вытянется бы на полкилометра. Если заглубить рабочее колесо турбины на метр-полтора под колесо турбины...

— Наша исследовательская группа только начинается, — продолжает Аносов. — Пока готовят эскизный проект. В ближайшее время конструкторы начнут разрабатывать технический проект.

Через пять минут лифт поднимает нас на пятый этаж. В просторном и светлом зале стоят длинные ряды чертежных столов. Здесь конструкторское бюро или, как его называют на заводе, бюро водяных машин. Заместитель главного конструктора, академик Г. Прокура, профессор Л. Лойцинский, ряд научных работников кафедры гидромашин Ленинградского политехнического института.

— Наша исследовательская группа только начинается, — продолжает Аносов. — Пока готовят эскизный проект. В ближайшее время конструкторы начнут разрабатывать технический проект.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

— Такую колоссальную работу, — говорит Грановский, — не в силах выполнить ни одно конструкторское бюро в мире.

Здесь требуются усилия целого ряда творческих коллективов — от рабочих машинистов или литейных цехов до водяных инженеров. Каждый из них имеет право на участие в изобретении. Огромные масштабы производства, предельно сжатые сроки — все это потребует привлечения к строительству турбин не только ряда заводов, но и целых отраслей промышленности. Надо создать новые монтильи, разработать новый режущий инструмент, использовать все достижения нашей передовой техники.

В районе

«Ветровых ворот»

АШХАБАД. (Наш спец. корр.). «Ветровые ворота» — так на условном языке фотографов называется район Небит-Дага. Ветры дуют здесь почти круглый год и большей частью в одном направлении — с северо-запада на юго-запад. Объясняется это явление своеобразным рельефом местности. Рождаясь в пустыне, мощные потоки воздуха встречаются на своем пути горные массивы и в песчаных лазах устремляются к морю между хребтами Большой и Малой Валхан. Этот проход представляет собой как бы естественную аэродинамическую трубу. Это и есть «ветровые ворота». Через них проносятся ежегодно сотни тысяч тонн песка.

Эффективные методы борьбы с песчаными заносами имеют большое народнохозяйственное значение.

Разработка этих методов успешно ведется лабораторией ветровой эрозии, созданной при туркменском филиале Академии наук ССР. Многочисленными опытами установлено, что ветропеченные потоки при обтекании отдельных препятствий, как, например, дома или естественных форм рельефа — барханов, образуют вихри, в зоне которых откладывается приносимый песок. Ветера, которую мы запечатлеваем на этом снимке, — одна из тех, когда молодые люди вместе со своим воспитителем беседуют о будущ

Страницы бурят-монгольской поэзии

К. ЗЕЛИНСКИЙ

поэмах улигиршина А. Тороева «Ленин — баат» («Ленин — учитель») и «Сталин — баат», напечатанных в московском сборнике в переводе сибирского поэта И. Луговского, можно сказать, что они покоряют читателя искренностью и исконно-среднеевропейским выражением в них чувства, прелестью национального колорита бурят-монгольских легенд, в которых сказочное сочетается с меткими, конкретными деталями реальной жизни. Например, упомянув своих героев горам и великанам, поэт в то же время точно подметает мастером, следя на снегу, убранство юрты и т. п. О преобразованиях советской эпохи бурятский сказитель говорит:

Солнопустящий воздух
Стальные орлы заселили.
Дикобугорья реки
Дали тепло и свет.

Для советской бурят-монгольской поэзии фольклор явился одним из богатейших источников поэтических сравнений, метафор, мотивов, используемых рядом с сюжетами, взятыми из сегодняшней жизни, наряду с образами, заимствованными из русской советской поэзии. Эта близость бурят-монгольских писателей к устной народной поэзии дает им силу и свежесть, хотя в том случае, когда некоторые поэты механически используют устаревшие формы, это только мешает им познать и воспринять красоту и своеобразие новой жизни. Буржуазные националисты, в борьбе с которыми идеино-мужская и росла бурят-монгольская литература, пытались культивировать отсталое в народном творчестве прошлого, противопоставляя его советской поэзии, но основное в поэтическом творчестве каждого народа — здоровье, реалистическое зерно, возвращение трудовых и художественных генезисов народа, и именно оно питает и будет питать дальнейшую литературу.

А бурят-монгольский фольклор — это фольклор изумрудной красоты. Ближним примером к сказанному может служить хотя бы поэзия Хона Намсаареева, этого ветерана своей литературы, ее активного деятеля на всех этапах ее развития. О Намсаарееве можно сказать, что он — народный писатель, драматург и поэт в самом прямом смысле слова. Не только потому, что Х. Намсаареев сам вышел из гущи народной, став из бытого батрака известным всей стране писателем, депутатом Верховного Совета ССР, Х. Намсаареев многое почерпнул и в самой народной поэзии, которую он поболтал с детства: искусство диалога в стихах, как, например, в стихотворении «Дед и внук», народный юмор, лиризм, как в стихах Ариана, наконец, ост्रое сатирическое слово. Эта сатирическая линия поэзии Намсаареева хорошо выражена, например, в такой поэме, как «Рассек гэлэнэ Бадмы» с ее веселым высмеиванием невежества и жажды лам.

Из поэзии более молодого поколения хочется отметить творчество Цадна Галсанова, Чимита Цыдендамбаева, Чимита Цыдендамбаева и других поэтов. Левушка-бурята, мечтавшая поехать учиться в Москву, бедствующая с Пущинским, воспоминания старика-скотовода о прошлом и его мысли о стихах сегодняшних дней — все это запечатленные в стихах черты новой республики. Главное настроение этих стихов — чувство мира, труда, безграничной любви к своей Родине.

Ощущались наши сны,
И дышал воздухом свободы

Теперь арты скотоводы,

Моей Бурятии сыны...

Союз Советский наш оплот.

Ему мы верной дружбой платим.

И, благодарный русским братьям,

Народ мой крепит и растет.

(Перевела К. Арсенева).

Так пишет Ц. Галсанов.

Стихи бурят-монгольских поэтов производят то большое чувство, которым живет весь народ, — чувство любви и благодарности к вождю всех трудающих — великому Сталину. Три золотых слова, говорят Покто Номтоев, есть у каждого бурята: Народ, Родина, Сталин.

Большинство поэтов, выступающих в обоих альманахах, начало печататься в середине тридцатых годов, а некоторые — уже после Великой Отечественной войны. Сборники открываются образами устной народной поэзии, затем песнями выдающихся улигиршина (сказителей) Аполлона Тореева и Цапа Тушемилова. О двух

«Поззией советской Бурят-Монголии», под

редакцией И. Тумунова и С. Шервинского.

«Исполнительская строка» Д. Романенко. Москва. Гослитиздат. 1950. г. 467 стр.

«Антология бурят-монгольской советской поэзии», под редакцией Ц. Галсанова, В. Замятиной и И. Ким. Составитель — Д. Мадасон.

Улан-Удэ. Бурмонгиз. 1950. г. 288 стр.

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

